
Андрей
Ливадный
Абсолютное оружие
Форма жизни
Эксмо

Annotation

3805 год.

Скука заставляет молодого человека из богатой семьи искать новые развлечения. В результате он оказывается в фантомном мире так на-зываемого «Черного Оазиса» — игровой реальности, максимально приближенной к настоящему миру. Он не подозревает, что все вокруг преследует лишь одну цель, — выковать не знающих пощады бойцов для корпорации, которой владеет его отец.

Андрей Ливадный Черный оазис

Роскошный особняк, окруженный тенистым парком, спал.

Робким голубоватым светом теплилось лишь одно из окон на первом этаже. За ним простиралась комната, богато обставленная дорогой современной мебелью, по полу в живописном беспорядке были разбросаны интеллектуальные кибернетические устройства, у дальней стены ровно светил полусферой стереомонитора мощный компьютерный терминал.

Старинные часы в гостиной только что пробили три раза.

Маркусу не спалось. Он вообще не ложился, а неприбранная постель была разворошена специально на тот случай, если отец или мать вдруг заглянут в комнату.

Единственному отпрыску семьи Моллиганов недавно исполнилось тринадцать лет, а душа мальчика, который в перспективе должен был унаследовать огромную корпорацию “Мунэксплойт”[1], уже была отравлена худшим из ядов, имя которому - скука.

Слишком маленький, чтобы принимать участие в делах “семьи”, но уже выросший из круга интересов ребенка, он являлся типичным представителем своего поколения. Здесь не играли существенной роли окружающие его материальные блага, источником яда, отравившего душу и заставившего так рано потерять интерес к жизни, был терминал компьютера, взиравший на подростка своим огромным немигающим оком, похожим на выпученный из эбеново-черной стены голубой глаз.

Маркус не задумывался над тем, сколько еще его ровесников испытывают в данную минуту такую же отчаянную скуку, которая не давала ему уснуть. В каждой среднестатистической семье обязательно имелся компьютерный терминал, а любой ребенок, благодаря заботам корпорации “Мун”, при рождении получал имплантированное в правую височную область гнездо, предназначенное для прямого контакта с компьютерными системами.

Прогресс в сфере цифровых технологий ушел так далеко, что для соединения с машиной уже не требовался, как раньше, соединительный оптико-волоконный кабель - его с недавних пор заменил инфракрасный порт, освобождающий пользователя от всех неудобств, связанных с черным глянцевитым проводом, который многие называли “змеей”.

Мальчик сидел на полу, скрестив ноги. Среди разбросанных вокруг кибернетических устройств возвышались стойки с кристаллодисками. В данный момент предназначенное для их считывания адаптационное гнездо компьютерного комплекса пустовало: оно раскрылось, будто бутон пластиковой лилии, в ожидании, когда в него вставят очередной носитель

информации.

Пальцы Маркуса перебирали кристаллодиски, которых накопилось уже больше двух сотен. Глаза равнодушно скользили по голографическим вставкам, не находя среди названий и аннотаций ничего привлекательного.

Возможно, его пресыщенность была вызвана полнейшим отсутствием жизненных проблем и стопроцентным материальным благосостоянием.

Отчасти - да. Но только отчасти, потому что десятки тысяч его сверстников в различных мирах рано или поздно испытывали то же самое. Они были разными: мальчики и девочки, богатые и бедные, добрые и злые; их объединяло лишь одно - наличие импланта в височной области и свободный доступ к компьютерам.

“Синдром безразличия” - так окрестили психологи эту болезнь.

Виртуальная зависимость, о которой много писали и говорили в прошлом, не выродилась, но мутировала, и теперь главным вирусом данного заболевания являлось не болезненное влечение к миру фантомных образов, а наоборот - отвращение к нему.

Давно прошло то время, когда дети сходили с ума, не выдерживая нелимитированного контакта с виртуальной средой, канули в Лету бледные мальчики и девочки, проводящие большую часть свободного времени в неудобных, стесняющих тело виртуальных костюмах, даже кабели нейросенсорного контакта более не использовались в качестве посредника между человеческим мозгом и машиной.

Изящество технологий вкупе с абсолютной доступностью кибернетических систем для представителей любой социальной прослойки населения коренным образом изменило проблему.

Что можно ожидать от ребенка, который к тринадцати годам перепробовал в своей виртуальной жизни все, начиная от убийств и заканчивая сексом? Только скуки, потому что мозг человека обладает огромным потенциалом приспособляемости, а бытие, как известно, определяет сознание. Чтобы испытать те впечатления, которые уже пережил Маркус, человеку прошлых столетий требовалась целая жизнь.

Сидя на полу и машинально перебирая кристаллодиски с давно приевшимися эмблемами и названиями виртуальных миров или игр, мальчик чувствовал, как в его душе растет глухое отчаяние. Страстно хотелось чего-то нового, неиспытанного, но голографические вставки упрямо предлагали одно и то же.

От этого возникало одно желание - взять стойку с дорогостоящими кристаллами и швырнуть ее так, чтобы все разлетелось вдребезги, ударившись о стену.

Возможно, этим бы и окончилась изнурительная, бессмысленная бессонница юного Моллигана, не поверни он голову.

Взгляд, брошенный через окно, показал ему панораму звездного неба, где царили одиннадцать ярких звезд созвездия Омикрон. Чуть ниже темнели контуры зданий большого города, а в узкой прослойке между звездным небом и скупо освещенной землей бесновались огни голографических реклам, среди которых ярко выделялась бросающаяся в глаза призывная надпись:

“Черный Оазис” ждет тебя. Выиграй миллион кредитов или хотя бы попытайся выжить в предлагаемом мире!”.

Взгляд мальчика буквально прирос к этой влекущей надписи.

“Черный Оазис”? Маркус недоверчиво смотрел на яркие буквы. Что-то он не мог припомнить такого названия.

Еще раз взглянув за окно, он повернул голову к терминалу. Ему не приходилось вставать, чтобы его мысленные команды были переданы сервисной оболочке домашней кибернетической системы. Имплант, вживленный в правую височную область, трепетно замигал едва приметным индикатором, посылая системе мысли подростка, автоматически трансформированные в язык машинных кодов.

Раскрытое адаптационное гнездо бесшумно захлопнулось, втянув свои лепестки внутрь обтекаемого корпуса, а на мониторе, к изумлению Маркуса, внезапно появилась объемная надпись:

“Извините, доступ невозможен. Первичное соединение с “Черным Оазисом” осуществимо только в определенных, специально оборудованных центрах”.

Несколько минут мальчик озадаченно смотрел на надпись, а потом встал и принялся одеваться.

Через минуту он, прихватив свою личную кредитную карту, приподнял легкую раму пластикового окна и выскользнул в прохладную ночь, благо его комната располагалась на первом этаже особняка, а охранные системы прилегающего к дому парка не реагировали на Моллигана-младшего.

Возможно, утром его ожидает хорошая взбучка, но сейчас Маркусом владело одно стремление - хоть ненадолго избавиться от снедавшей его душу скуки.

***

Он ошибался, думая, что его уход из дома заметят только утром и то в том случае, если просмотрят файлы ночных видеозаписей охранной системы наблюдения.

На первом этаже в огромном холле не горел свет, небеса за полуоткрытым панорамным окном хранили черноту ночи, в которой необъятной льдистой россыпью сияли холодные карбункулы звезд.

Одиннадцать из них казались очень яркими и крупными. Они вытянулись неровным овалом, похожим на порванное ожерелье или неполную букву “О”. Вероятно, из-за этой схожести созвездие получило название Омикрон, так как составители первых унифицированных звездных каталогов пользовались системой греческого алфавита для обозначения новых для человечества светил.

Созвездие Омикрон, состоящее из двенадцати звезд, каждая из которых имела планеты, было открыто в период Первой Галактической войны, когда корабли Земного Альянса и противоборствующего ему флота Свободных Колоний вели активную разведку и освоение новых гиперсферных трасс.

Первыми Омикрон исследовали корабли прародины Человечества. Военно-космические силы Земного Альянса прочно обосновались на планетах, располагавшихся в стороне от *пространства*, ставшего ареной столкновения звездных армад.

Человек, который стоял в ночной тиши у окна и смотрел вслед Маркусу, всерьез изучал историю и потому знал, что базам Альянса, столь удачно *удаленным* от Обитаемой Галактики, удалось продержаться еще несколько лет после подписания акта полной и безоговорочной капитуляции Земли.

Системы Омикрона зачищал седьмой ударный флот Свободных Колоний, и уничтожение военно-космических баз, расположенных в пределах созвездия, стало последним крупномасштабным столкновением Первой Галактической войны.

Дальнейшая история освоения созвездия носила неординарный характер и не вписывалась ни в одну схему колонизации, которые разрабатывал и проводил в жизнь созданный после окончания войны Совет Безопасности Миров.

Созвездие Омикрон де-юре было закрыто на карантин, так как на планетах, где ранее существовали базы Альянса, оставалась масса боевой кибернетической техники, которую не смогли уничтожить орбитальные бомбардировки. Специалисты считали, что должно пройти не менее пятисот лет, прежде чем можно будет приступить к вторичному освоению

миров этого удаленного сектора пространства.

Однако жизнь всегда вносит свои коррективы в масштабные и долгосрочные проекты. Запрет на поселение существовал исключительно на бумаге. У молодой Конфедерации Солнц имелась масса более насущных, животрепещущих проблем, чем блокада созвездия, расположенного в сотнях световых лет от центра новообразованного Галактического сообщества. Данные по Омикрону были внесены в общедоступные каталоги звездных систем, и там, кроме пометки “карантин”, прямо упоминалось, что система каждой из двенадцати звезд имеет как минимум одну планету с кислородосодержащей атмосферой.

Закономерным итогом подобной ситуации стало стихийное заселение миров Омикрона. Сюда потянулись прежде всего те, кому не нашлось места на объединенных единым законом мирах Конфедерации. На планеты Омикрона, действуя на собственный страх и риск, осуществляли рейсы частные корабли, увозя на своем борту не только стремящихся избежать наказания преступников, но и просто искателей приключений, а порой и смелых, предприимчивых людей, которых привлекали богатые недра планет.

В результате стихийного заселения были вторично колонизированы системы восьми звезд, позже, столетие спустя, здесь начали свое развитие четыре корпорации, занимающиеся эксплуатацией естественных ресурсов планет. Свою продукцию они сбывали через легально существующие дочерние фирмы, а в пространстве Омикрона в этот период началась жестокая борьба молодых промышленных групп за обладание планетами, которые в базах данных Совета Безопасности Миров по-прежнему числились как потенциально опасные миры, находящиеся на долгосрочном карантине.

В данном случае бюрократическая система Конфедерации Солнц дала явный сбой, что объяснялось чрезмерно большим удалением Омикрона от центра Галактического сообщества. Если разбираться беспристрастно, то освоению Омикрона способствовала исключительно война между Землей и колониями. Военно-космические силы Альянса, которые произвели первичную разведку и преобразование планет, заложили прочную базу для последующей колонизации, проторили тропку в глубь неисследованного космоса, а более поздняя разведка и колонизация новых миров, производимая по планам Совета Безопасности, формировала иной фронт Окраины, медленно - век за веком - продвигавшийся в сторону давно заселенных систем Омикрона.

Памятное “слияние” произошло полтора века назад, когда на планете

Аллор был основан головной офис Колониальной администрации. Этот новый институт власти, призванный проводить политику Центра в молодых мирах, занялся прежде всего систематизацией и учетом всех освоенных звездных систем Окраины.

Именно благодаря картографической разведке, проведенной силами Колониальной администрации, миры Конфедерации Солнц были поставлены перед фактом, свидетельствующим, что далеко за границами освоенного космоса существует независимый анклав планет, полностью подчиненный четырем корпорациям, которые не только эксплуатировали естественные ресурсы планет, но и вели постоянные ожесточенные локальные войны за обладание их источниками.

Вообще власть корпораций, имеющих структуру государств в миниатюре, была широко распространена на всей протяженности Окраины. Форпосты человечества, граничащие с неизведанным космосом, жили по своим законам, радикально отличающимся от консервативных устоев Центральных Миров, поэтому известие о еще одном нелегально освоенном созвездии было воспринято достаточно сдержанно. Корпорациям предложили легализовать свой статус, вступив в Галактическое сообщество на условиях, специально выработанных для таких случаев. За промышленными группами оставалось право частной собственности на восемь освоенных ими планет, но при этом на территорию миров Омикрона вступал новый общегалактический закон, проводником которого в секторе Окраины являлась Колониальная администрация Аллора.

Соглашение было достигнуто, но его подписание мало что изменило на подвластных корпорациям планетах. Колониальная администрация была в ту пору слишком слаба, чтобы проводить глобальную политику, направленную на защиту интересов отдельных граждан. К тому же практика взаимоотношений промышленных групп и чиновников Аллора долгое время строилась на системе коррупции, когда тот или иной представитель центральной власти за определенную мзду лоббировал чьи-либо интересы в головном офисе Колониальной администрации.

Такой “баланс” сохранялся до тех пор, пока Окраина являлась буфером между благополучными мирами Центра и необъятными просторами неосвоенного космоса; к тому же отсюда шел постоянный приток ресурсов, в которых остро нуждались колонии.

Ситуация резко изменилась два десятилетия назад, когда состоялись первые контакты с иными цивилизациями, в результате которых было открыто шаровое скопление звезд, населенное расами логриан, инсектов и харамминов, а столкновение с последними едва не привело к

непоправимым для Человечества последствиям.

В 3801 году на базе трех цивилизаций была создана вторая, обновленная Конфедерация Солнц, в которую, кроме Человечества, вошли расы инсектов и логриан…

…Все эти потрясения едва ли коснулись планет Окраины, где локальные войны, резкое расслоение общества на бедных и богатых являлись нормой существования, повседневными реалиями жизни. Окраина привыкла считать себя независимой от кого бы то ни было, но обновленная Конфедерация, наученная горьким опытом столкновения с иной галактической расой, внезапно резко изменила свое отношение к промышленным мирам, зажатым между колониями Человечества и шаровым скоплением звезд, где обитали иные галактические расы.

Окраина утратила роль границы между центральным анклавом старых колоний и неизведанным космосом. Изменение геополитического значения узкой прослойки промышленных миров привело к тому, что сюда наконец начал проникать настоящий закон, проводимый не на уровне бюрократических отчетов чиновников, а реально подкрепленный мерами по усилению Колониальной администрации.

Казалось, что безраздельному правлению корпораций пришел конец, но это также не соответствовало действительности.

Сложившуюся систему, в которой обращались огромные деньги, невозможно было сломить в один день, не развязав при этом гражданской войны внутри самого Человечества, поэтому проникновение закона на территорию миров Окраины происходило постепенно. Корпорации, контролирующие большинство миров сектора, слишком поздно осознали, что новая Конфедерация Солнц - это реальная, прирастающая с каждым годом сила, впитавшая все лучшее от своей предшественницы, но лишенная ее косности и постепенно избавляющаяся от бюрократических пороков старого содружества.

Такова краткая история созвездия Омикрон, наложенная на фон общего развития экспансии Человечества.

…Дейвид Моллиган, смотревший на холодные звезды, хорошо помнил то время, когда корпорацией управлял не он, а отец и два старших брата. Однажды, будучи еще подростком, он проснулся в такой же ранний, предрассветный час и долго лежал, прислушиваясь к голосам, которые долетали до его слуха через приоткрытую дверь.

– …Они вползают со своим законом на нашу территорию, - гневно говорил отец шестнадцатилетнего Дейвида, - и навязывают нам его, забывая о том, что мы веками осваивали эти миры!

Голос Хайрока Моллигана звучал глухо, но гневно.

– Отец, быть может, ты переоцениваешь степень угрозы? - раздалось в ответ осторожное замечание Райбона Моллигана, старшего брата Дейвида. - Нам ведь никто не препятствует ни в одной сфере деятельности.

– Да, в плане бизнеса все в порядке. - Голос отца по-прежнему звучал гневно и раздраженно. - Но меня уже давно не интересуют деньги. Наше состояние исчисляется такими цифрами, что любые временные трудности с бизнесом я бы воспринимал гораздо спокойнее…

– Тогда в чем причина твоего раздражения, отец? - Судя по голосу, эту фразу произнес Говард, средний из братьев.

– А ты подумай сам. Конфедерация не посягает на наши экономические интересы или имущественные права. Они поступают более тонко: Корпорации по-прежнему принадлежат земли на планетах Омикрона, промышленные предприятия, инфраструктура - все, до последнего поганого домишки… Но теперь любой житель подконтрольных нам территорий является полноправным гражданином Конфедерации Солнц! Вдумайтесь в это! - требовательно и раздраженно произнес Хайрок. - Да, они вкалывают на наших предприятиях, платят нам за жилье и пищу, но мы больше не владеем, как раньше, их сознанием, их душами… - Голос старшего Моллигана стал еще резче: - А теперь вдумайтесь, что делает Конфедерация с нашими людьми, родившимися и выросшими тут, на планетах Омикрона?!

После этих слов наступила пауза, в течение которой отец так и не дождался вразумительного ответа ни от одного из сыновей.

– Хорошо, я объясню сам, - тяжело произнес он. - Может, кто-то из вас заметил, что конфедераты открыли сеть вербовочных пунктов на всех обитаемых мирах Омикрона?

– Ну и что? - спокойно произнес Говард. - Чем нам угрожает это? Пусть на службу в Военно-космические силы Конфедерации завербуется тысяча человек, но взамен мы можем принять две, три, да хоть десять тысяч эмигрантов с их же Центральных миров.

– Дело не в количестве населения, - отмахнулся Хайрок. - Дело в том, что нашим людям предложили *выбор.* У них появилась альтернатива. Ты спрашиваешь, что будет, если тысяча молодых парней покинет Омикрон и станет служить Конфедерации? Я отвечу - они приобретут иную психологию и вернутся сюда уже не нашими людьми, а чужаками! Они поймут, что за пределами скопления течет иная жизнь, и, возможно, не вернутся вовсе или решат, что им стоит поселиться на девятом или двенадцатом Омикроне, где основала колонии администрация Аллора. -

Глава корпорации сделал короткую паузу - очевидно, отпил глоток воды. - Теперь относительно эмигрантов, - продолжил он развивать начатую мысль. - Кто полетит в поселения Окраины? Сброд. Те, кому нет места на планетах Центра. Выгодный ли это обмен? Нам будут сливать отстой общества, а взамен вербовать здоровых молодых парней, которые могли бы пойти на службу в корпоративные войска, не появись у них этой чертовски соблазнительной альтернативы - повидать на халяву всю Обитаемую Галактику, а не сдохнуть по воле Моллиганов в очередной межпланетной стычке из-за какого-нибудь рудоносного астероида. Теперь понятно, что меня заботит?…

…Наверное, шестнадцатилетний Дейвид, не принимавший в ту пору никакого участия в управлении корпорацией, лучше других понял отца.

Он был молод, энергичен, его разум еще не закоснел, зациклившись исключительно на вопросах бизнеса, и слова отца глубоко засели в подсознании.

Он знал, что необходимо сделать.

Теперь, когда не стало ни самого Хайрока, ни старших братьев, а Дейвид Моллиган единолично управлял корпорацией, его смутные замыслы той далекой поры воплотились в реальном детище.

Он видел, как десятилетний Маркус выскользнул из своей комнаты. Отец долго смотрел ему вслед, понимая, что рано или поздно это должно было произойти.

***

Они все рано или поздно приходили сюда.

Здание под яркой голографической вывеской оказалось строго утилитарным, оно не походило на обычный центр развлечений, хотя внутри было оборудовано самыми современными средствами для осуществления контакта между человеком и миром фантомных образов.

Никто не спросил у Маркуса его кредитную карту. Как он понял, первичный доступ был абсолютно бесплатным. Сориентировавшись в огромном сумеречном зале, Маркус заметил, что периметр его стен сплошь занимают входы в отдельные виртуальные кабинки. Ему пришлось покрутить головой, чтобы среди бесчисленных индикаторов “занято” найти зеленую искру у двери свободной кабинки.

Похоже, что это место пользовалось громадной популярностью и сюда допускались все без исключения, невзирая на возраст и социальный статус.

Прямо на его глазах открылись двери трех кабинок, и оттуда вышли подростки чуть старше самого Маркуса. В сумраке он не видел их лиц, но сумел различить детали одежды, которая ясно свидетельствовала - двое из троих казались сущими оборванцами, уличной шпаной, а вот третий был одет скромно, но добротно.

Впрочем, взгляд Маркуса лишь мельком скользнул по этим фигурам. Его манил зеленый индикатор у избранной двери, и юный Моллиган направился к ней.

Виртуальная кабинка оказалась простой и удобной. Цилиндрическое помещение с мягкой обивкой стен, креслом посередине и единственным зрачком приемного устройства инфракрасного порта доступа. Никаких видимых компьютерных систем, ничего, что можно было бы поломать, украсть или использовать не по назначению.

Сев в кресло, он привычно закрыл глаза и замер в ожидании.

Связь установилась мгновенно.

Он внезапно ощутил, что стоит на земле. Небо над головой было бледно-фиолетовым, мягкая шелковистая трава под ногами несла запах свежести, вдалеке за низкими постройками какой-то фермы возвышались две черные уступчатые пирамиды.

Вокруг не было ни души.

Странное начало, подумал он, озираясь вокруг.

Он еще не знал, что существовали три категории новичков. Одних приводила в пространство “Черного Оазиса” отчаянная скука, других - простое любопытство, третьих (а таких на поверку оказывалось большинство) вела безысходность реальной жизни.

Для каждой категории имелся свой первичный вход. Новички никогда не сталкивались друг с другом при первом посещении этого мира.

Поначалу бескрайнее, фактически безликое пространство порождало чувство разочарования, но это ощущение быстро проходило. Стоило лишь сделать несколько шагов по мягкой шелковистой траве и допустить в свой разум любую мысль, как все вокруг начинало видоизменяться, настраиваясь на душевное состояние человека…

Это было приятно, но знакомо. Юный Моллиган начал испытывать недоумение с примесью досады, когда справа от него внезапно возникла чья-то фигура.

Он резко обернулся.

Утопая по колено в густой траве, всего в нескольких шагах от него стоял солдат в форме Конфедерации Солнц. Импульсная винтовка была направлена в лоб Маркусу.

Мальчика пробила короткая дрожь, он растерялся на долю секунды, но этого промедления хватило, чтобы взгляд навек впитал в себя образ молодого компеха Конфедерации, который, не произнеся ни звука, мягко сжал сенсор гашетки.

Титановый шарик, выпущенный из ствола “ИМ-200”, ударил в лоб Маркусу, ему показалось, что он ощущает хруст, с которым разлетелся его собственный череп, и все поглотил непроницаемый мрак.

…Открыв глаза, он некоторое время сидел, не в силах пошевелиться.

На стене рядом с приемником инфракрасного порта появился небольшой экран.

Надпись, высветившаяся на нем, гласила:

“Добро пожаловать в “Черный Оазис”. Теперь вы - зарегистрированный пользователь и можете осуществлять вход с любого доступного Вам терминала. Данное соединение закрыто, сделайте новую попытку”.

Ни хрена себе…

Пошатываясь будто пьяный, Маркус вышел в полутемный зал.

Оглядевшись, он с досадой понял, что подле всех дверей, включая покинутую им кабинку, горят красные индикаторы.

Что же это за игра такая?! - опять пришла растерянная мысль, смешанная с ошеломляюще реальным ощущением собственной гибели.

Образ космического пехотинца Конфедерации Солнц стоял перед глазами, и Маркус вдруг понял, что он уже никогда не сотрется в памяти…

Он снова огляделся в попытке найти свободную кабинку доступа, но тщетно. Простояв еще минуту будто истукан, что не случалось с ним уже очень давно, он вдруг понял, что хочет туда, назад, в этот непонятный мир. Он знал, что больше не подставится под пулю. Этот конфедерат…

Он вздрогнул всем телом, очнувшись наконец от шоковых впечатлений. Разум постепенно возвращался в нормальное состояние, и Маркус тут же вспомнил строку лаконичного сообщения компьютерной системы Оазиса:

“Теперь вы можете осуществлять вход с любого доступного Вам терминала”.

Резко развернувшись, он вышел из полутемного зала, над которым пылали росчерки голографической рекламы, и быстрым шагом направился домой.

***

Впервые за последние несколько лет Маркус Моллиган был вынужден признать, что ощущение, только что испытанное им, несмотря на скоротечность самого события, оказалось во сто крат сильнее всех иных, вместе взятых, впечатлений, которые ему доводилось ощущать в различных фантомных мирах. Он лишь краем глаза успел взглянуть на панораму загадочного “Черного Оазиса”, но интуитивно понял - этот мир таит в себе нечто особенное. Ошеломляющая, болезненная *окончательность* виртуальной смерти, ее холодная, ничем не смягченная, никак не обоснованная и совершенно не приукрашенная *обыденность* вызвала у него шоковую реакцию. Это не походило ни на один наскучивший стандарт компьютерных игр, а от неподдельной *реальности* ощущений до сих пор ломило голову в той точке, куда угодила пуля импульсной винтовки…

…У Маркуса дрожали кончики пальцев, когда он сел в свое кресло перед компьютерным терминалом, не замечая, что за окном уже теплится рассвет.

Закрыв глаза, он внутренне собрался, концентрируя свою волю на одном желании: попасть в виртуальное пространство “Черного Оазиса”.

Остальное являлось делом техники. Ярко выраженная, внятно сформулированная мысль была считана чипсетами импланта, преобразована в машинный код и передана посредством инфракрасного порта обмена данными на приемное устройство терминала.

Соединение произошло мгновенно, но, вопреки ожиданию, Маркус оказался не на окраине заросшего бурьяном поля, а на самой вершине одного из черных пирамидальных сооружений.

Он увидел огромный полусферический зал с множеством входов, посреди которого стоял постамент из черного пластика. На скошенной панели странного обелиска виднелось углубление, по форме и размерам соответствующее человеческой ладони с растопыренными пальцами.

Рядом с Маркусом внезапно возникло движение, и он резко обернулся.

Нет, это был не космический пехотинец Конфедерации - рядом со входом, через который проник Маркус, на полу сидел сухощавый подросток лет пятнадцати. Его лицо кривилось от боли, мышцы правой щеки спазматически подергивались. Поверх обычной клетчатой рубахи на незнакомом парнишке был надет кевларовый бронежилет, весь испачканный кровью, в руках он судорожно сжимал импульсную винтовку.

Присмотревшись, Моллиган понял, что тот силится что-то сказать, но вместо этого только заглатывает ртом воздух.

Маркус кое-что понимал в компьютерных мирах, и поэтому он уже уловил основное свойство данного пространства: оно подчинялось мысли, деформируясь согласно четко выраженному желанию. Молодой Моллиган не отличался состраданием к ближнему, для этого он был слишком эгоистичен и избалован, но в данном случае он поступил против правил, хотя и не против логики. Глядя на бледное, бескровное лицо парня, он усилием воли сформировал у себя в руках виртуальную копию автоматической аптечки, которая в реальности лежала у него в комнате на полке одного из встроенных шкафов. Это был один из немногих кибермеханизмов, чье устройство он знал досконально. Почувствовав вес аппарата, он активировал его и положил пружинисто расправившего конечности механического паука на окровавленный бронежилет незнакомого подростка.

Шустрый кибермеханизм мгновенно вскарабкался к оголенному участку шеи и впился в незащищенную кожу пациента своими лапками, изнутри которых выдвинулись иглы иньекторов и анализаторов.

Маркус сделал это, потому что нуждался в информации. В зал постоянно входили новые посетители “Черного Оазиса”, но они, не обращая внимания на окружающих, группами и поодиночке сразу же устремлялись к широкому лестничному маршу, ведущему куда-то вниз - очевидно, на следующий уровень черной уступчатой пирамиды.

Прошла минута, и лицо незнакомого подростка разгладилось, его щека перестала конвульсивно подергиваться, а кожа приобрела розоватый оттенок.

– Спасибо… - хрипло прошептал он. - Ты новичок?

Маркус кивнул.

– Как тебя зовут?

– Зови меня Ник.

– Хорошо… Я Павел.

– Будем знакомы, - без особой теплоты ответил Маркус, присаживаясь рядом. Этот мир все более интриговал его.

– Кто тебя так? - спросил он. Павел странно дернулся.

– Ублюдок какой-то, - ответил парнишка. - Тоже из новеньких. Гаденыш без воображения. Думал разжиться броником да импульсной винтовкой. Сзади подкрался и ножом…

– Ясно… А почему так? - тут же переспросил Маркус.

– Говорю - придурок, - сплюнул Павел и пояснил: - Этот мир особенный, понимаешь? Не как обычная виртуалка. Тут ничего не валяется под ногами, а с помощью воображения можно получить лишь то, что ты

себе абсолютно ясно представляешь. - Павел скосил глаза на импульсную винтовку, которую по-прежнему не выпускал из рук.

– Что же тут сложного? - Маркус внимательно посмотрел на оружие Павла, и у него в руках появилась точная копия винтовки.

Павел презрительно скривился.

– Выстрели, - посоветовал он.

Маркус попробовал, но без особого успеха. Утопленная в волокончатый приклад сенсорная кнопка активации никак не отреагировала на прикосновение.

– Муляж, - уже без тени насмешки констатировал Павел. - Нужно досконально знать, *как винтовка работает,* - пояснил он. - Представить себе “ИМ” во всех деталях, чтобы получить в руки действующий образец.

– Или отнять у кого-то? - развил его мысль Маркус.

– Или так, - поморщившись, согласился Павел.

– Ясно. - Проехали. - Маркус присел на корточки подле своего случайного знакомого и указал на обелиск. - Что это за постамент посреди зала?

– Миллион кредитов. Тот, кто дойдет до него и приложит руку, получит деньги.

– Так просто? - приподнял бровь Маркус.

– Ну, не совсем… Этот терминал для тех, кто входит с вершины соседней пирамиды. А наш там - на ее макушке. Вот и весь смысл. Дойдешь живым - миллион твой. Не дойдешь - твои проблемы.

– А кто-нибудь доходил?

– Не знаю. Не слышал. - Павел на секунду задумался, потом посмотрел на Маркуса и сказал: - Тут нужна команда. Я подсчитал. Только команда из пяти человек может туда прорваться.

– Каким образом?

– Четверо погибнут. Пятый имеет шанс дойти. Теоретически, - сразу же оговорился он. - Ты видишь, наш зал пустой, никто сюда не врывается. Основная масса погибает между пирамидами, некоторые доходят до первого-второго ярусов. Лично мне выше не удавалось.

– А что происходит, если тебя убьют?

– Вылетаешь отсюда, - не задумываясь, ответил Павел. - Испытываешь всю боль по полной программе и вылетаешь. Не насовсем, конечно, но бесплатный доступ в “Черный Оазис” возможен один раз в сутки, а большинство игроков не могут позволить себе платного входа. Есть, конечно, богатые придурки, которые соединяются по пять-шесть раз на день, но они быстро исчезают отсюда.

– Это почему? - нахмурился Маркус. Павел усмехнулся.

– Три причины. Во-первых, тут все по-настоящему. Умирать больно. Во-вторых, нужно шевелить мозгами, если хочешь что-то из себя представлять. Думаешь, где проводят время те, кто вылетел, но хочет вернуться?

– Ищут деньги на платный вход? - предположил Маркус.

– Нет. Учатся.

– Не понял? - прищурился Моллиган, удивленный таким утверждением.

– Самообразование, - пояснил Павел. - Техническое самообразование. Тот, кто всерьез намерен добраться до миллиона, проводит свободное время в бесплатных хранилищах данных, где изучают конструкцию оружия и тактику ведения боя…

– Понятно, - оборвал его Маркус. - Ну а третья причина?

– Деньги. В “Черном Оазисе” задерживается только одна категория людей - те, для кого миллион кредитов - заветная мечта.

***

Маркус Моллиган задержался в “Черном Оазисе” на два года.

Он немало узнал и повидал за этот срок.

Реальность была проста, как все гениальное. Две черные пирамиды идеально уравновешивали баланс сил: фильтры входа выбрасывали вновь прибывших то на одной, то на другой вершине, подсчитывая не только общее количество соискателей заветного приза, но и их опыт, данные о котором, несомненно, хранились в тех компьютерах, что генерировали этот фантомный мир. Таким образом, сложенные вместе шансы противоборствующих сторон в сумме равнялись нулю.

Это не заботило Моллигана. Павел был прав во всех отношениях. Богатые тут не задерживались - им не нужны деньги, не нравится умирать, лень заниматься саморазвитием ради того, чтобы иметь в руках что-то более действенное, чем тривиальный тесак.

Реальность “Черного Оазиса” приворожила его своей непредсказуемостью. Проходя по одному и тому же маршруту, он не встречал одинаковых ситуаций, потому что здесь не было шаблонных компьютерных заготовок, и всякий раз ему встречались новые противники со своей сугубо индивидуальной линией поведения.

Он не задумывался над глобальным смыслом существования этого

пространства - бесплатный вход для всех желающих сводил на нет заподозренную поначалу финансовую прибыль. Он и сам редко пользовался кредитной картой, предпочитая бесплатный вход, потому что теперь ему было чем занять свободное время. Мальчик рос, позабыв серв-игрушки и кристаллодиски с компьютерными монстрами, поведение которых он знал наизусть.

Выжить в “Черном Оазисе” мог лишь тот, кто знал, *как это сделать,* то есть в полной мере владел реальными навыками выживания, был знаком с особенностями компьютерной техники, импульсного оружия и тактикой ведения боевых действий…

Через год он узнал еще одну особенность “Оазиса”. Попав сюда, можно было не рваться на вершину соседней пирамиды, а отойти в зону заброшенных сельскохозяйственных полей. Особенность заключалась в том, что каждый участник изначально был маркирован в соответствии с точкой входа в “Оазис”. Если тебя выбросило на вершине правой пирамиды - плечо светится зеленым, если на левой - красным. Этот маркер бросался в глаза и проступал сквозь любую экипировку. Так участники непрекращающегося штурма различали своих и чужих, но стоило удалиться от двух черных пирамид, как маркер на плече исчезал и ты автоматически становился “серым”. После исчезновения маркировки боец превращался в мишень для всех, но получал некоторую свободу выбора - он мог по своему усмотрению штурмовать и левую, и правую пирамиды.

Впервые узнав об этом, Маркус не понял смысла такого поворота в игре, пока вновь не повстречал Павла. В связке с незнакомым парнем Паша в обличье “серого” успешно пробивал себе путь сквозь ряды противников. Действуя в паре, два бойца постоянно прикрывали друг друга, и нужно сказать, что успешность их продвижения произвела на Маркуса впечатление. Он видел, что обоих вышибли на третьем ярусе той пирамиды, откуда спускался он сам, и вспомнил слова Павла о команде, тут же припомнив, что за год сам он так и не сумел подняться выше первого яруса.

…В следующий раз он выследил их в районе сельскохозяйственных полей. Второго парня звали Зум. Павел, узнав “Ника”, не стал стрелять навскидку, и им удалось поговорить.

Так возник костяк группы. Теперь для Маркуса стала ясна особенность серой маркировки. На какой бы из пирамид ни выбрасывало их в дальнейшем, они всегда могли объединиться в избранной точке, утратив при этом изначальную маркировку.

Втроем они доходили до третьего и даже четвертого ярусов,

постепенно совершенствуя групповое мастерство боя, но со временем стало очевидно - необходим еще как минимум один, а лучше - два человека, чтобы наверняка достичь заветной цели.

Павел не возражал. По двести пятьдесят тысяч “на нос”, как он выражался, - это тоже неплохо. Выбывающие в процессе восхождения получат равную долю, то есть единственный прорвавшийся наверх, делит приз на всех участников группы - в этом они торжественно поклялись друг другу.

Никто из них не подозревал, что случится спустя некоторое время…

***

Окраина заброшенного сельскохозяйственного поля, поросшая густым кустарником, была традиционным местом сбора группы.

Здесь по старой дренажной канаве тек ручей. Вокруг, закрывая остальной мир, зеленели заросли ивняка. Твердая, обильно переплетенная корнями и укрытая тонким слоем прелой листвы почва не хранила человеческих следов, лишь кое-где попадались звериные тропы, но это не смущало четверых членов прайда, которые избрали это место для сбора перед очередной вылазкой.

Мир простиравшийся за неширокой полосой низкорослого кустарника, был враждебен и полон опасностей, лишь тут, вдалеке от двух черных пирамид, можно было относительно спокойно сойтись вместе.

…Первым на место сбора вышел Зум. На вид парню было лет двадцать пять. На него было приятно смотреть. Атлетическое сложение в сочетании с бесшумной легкостью шагов и уверенным, внимательным взглядом голубых глаз создавали притягательный образ человека сильного, ловкого и уверенного в себе.

Выйдя на небольшую полянку, расположенную в кустарниковой чащобе, он огляделся, удостоверился, что пришел первым, и лишь тогда отделился от зеленой стены ивняка.

Зум являлся бессменным вожаком прайда на протяжении последних восьми месяцев, и это налагало изрядную долю ответственности. Собственно, это он придумал необычное название для группы, вычитав в одной из старых энциклопедий, что так на древней Земле называлось семейство львов - опасных, грациозных хищников, которые жили и охотились вместе.

На середине небольшой прогалины Зум сел на землю, скрестив ноги,

и приготовился ждать.

…Через минуту на место сбора вышла Химера.

В своем виртуальном облике она действительно напоминала неуловимую мечту, причудливую фантазию, но никак не чудовище древних мифов, которое, как знал Зум, смахивало на неудачный эксперимент обкуренного генетика[2].

Нет, стройная девушка, передвигавшаяся с грацией дикой кошки, никак не тянула на древнее определение, ее облику соответствовало более позднее и романтичное толкование избранного псевдонима.

Заметив Зума, она на миг остановилась, пытливо изучая его взглядом своих серых глаз, потом, убедившись, что перед ней действительно он, а не какой-нибудь баг[3] либо подменыш, вышла на прогалину и села рядом, также поджав под себя ноги.

На ней был комбинезон цвета хаки, на ногах армейские ботинки с мягким верхом и твердой подошвой. Стрижка у Химеры всегда была короткой, но это не делало ее похожей на мальчишку, наоборот, придавало девушке шарм.

Зум вздохнул, оставив при себе навязчивую мысль, которая возникала у него каждый раз, когда он видел Химеру.

– Привет… - поздоровалась она.

– Привет, - в тон ей ответил Зум. - Без проблем?

– Нормально. Там, у старого зернохранилища, крутятся какие-то недомерки, видел?

– Угу, - кивнул Зум. - Два снайпера - один на чердаке, второй на крыше. Внизу, за подгнившей копной, - пулеметчик. Думаю, случайное трио.

– Ну на нас они не разживутся, - спокойно констатировала девушка.

Их короткий диалог был прерван появлением третьего члена прайда.

Павлик, как обычно, не шел, а полз. Опять так же, как в двух предыдущих случаях, не шелохнулась ни одна веточка, и долговязый паренек появился на месте сбора с оценкой “отлично”, но его вид и способ передвижения поначалу вызывали стойкое недоумение у остальных бойцов группы. Но только поначалу. Всякие замечания и подначки прекратились, как только он показал себя в деле, и все же… Химера покосилась на Пашу, который, очутившись на краю прогалины, чуть приподнялся на локтях и повел головой из стороны в сторону, будто у него не двигались зрачки и подобное действие нельзя было осуществить, просто обежав прогалину глазами.

Впрочем… привычки тут не обсуждались.

– Заходи, Павлик, все свои, - не удержавшись, улыбнулась краешком губ Химера.

– Вижу.

Паша встал на четвереньки, потом выпрямился в полный рост, и все равно его фигура осталась какой-то ссутуленной, нескладной.

Зум только пожал плечами. Паша был классным парнем, за исключением своих непонятных привычек и телодвижений. Не стоило гадать, что именно стоит за этим. В боевой группе не принято лезть в душу друг другу. Неважно, как ты выглядишь и двигаешься, главное, каков ты в бою.

– Общий привет, - прошепелявил Павлик. - Почему не экипируемся? - тут же спросил он.

– Не видишь, что ли? Ник опаздывает, - ответила Химера.

Павел опять повернул голову, потом кивнул, удостоверившись в высказанном факте.

Странный он все-таки, подумала Химера. Полгода они действуют вместе, вроде бы пора привыкнуть друг к другу, но если к Зуму и Нику такая привычка действительно выработалась, то Павлик каждый раз удивлял девушку, будто было в нем что-то неуловимо странное, недопонятое…

***

Они выждали ровно полчаса, секунда в секунду, но Ник - четвертый член прайда, снайпер группы, - так и не появился.

Это было скверно, но не смертельно. В конце концов, такое случалось иногда с каждым из них, а актив у Ника, в силу его узкой специализации, был богаче, чем у остальных.

– Все. Не придет. - Зум встал, отошел на несколько шагов, осторожно сгреб в сторону тонкий слой опавшей листвы, обнажая прямоугольную крышку вкопанного в почву пластикового контейнера. - Экипируемся, и вперед.

Никто не возражал.

Внутри контейнер был поделен на четыре отсека. Зум достал свою экипировку, состоявшую из металлокевларового бронежилета, тонких перчаток, искусно сплетенных из кевларовой нити, штурмовой импульсной винтовки “ИМ-200” с подствольным гранатометом, мягкого шлема с

укрепленным на нем коммуникатором и легкой портупеи, которая содержала в своих подсумках запасные боекомплекты, медицинские препараты и два метательных ножа в чехлах, вшитых в нагрудные лямки.

Экипировка остальных членов группы радикально не отличалась от той, что надевал на себя Зум, за исключением некоторых деталей, характеризующих специализацию бойцов прайда.

Павлик, например, вместо импульсной винтовки тащил на себе массу компьютерного оборудования. Он был техником и сапером по совместительству, его основным оружием являлась чуткая электроника и природная сообразительность, ну а что до прямого боестолкновения, то тут он в основном пользовался “гюрзой” - самой распространенной моделью автоматического импульсного пистолета.

Химера после облачения выглядела особенно угрожающе. Крупнокалиберный импульсный пулемет она держала в руках, за спину был закинут переносной ракетно-артиллерийский комплекс, состоящий из спаренного безоткатного орудия и двух пусковых стволов для реактивных боеприпасов. Вся система имела единый корпус и общую компьютерную начинку, обеспечивающую стрельбу как по наземным, так и по воздушным целям.

В идеале, по общему мнению, в полнокровную боевую группу должны были входить еще два члена - снайпер и командир, но импульсная винтовка Ника осталась лежать внутри контейнера, а пятого члена группы попросту не существовало - его обязанности выполнял Зум…

– Ну что, поехали? - задал он традиционный вопрос, вновь замаскировав контейнер.

Ответом ему послужили два легких кивка.

– Направление на старое зернохранилище. Посмотрим, кто там вздумал ошиваться.

***

Старая потемневшая постройка из стеклобетона и пластика располагалась на противоположной окраине заросшего бурьяном поля, у перекрестка двух проселочных дорог. Рядом со строением, словно призраки вечной осени, возвышались конусообразные холмики, сложенные из подгнивших необмолоченных снопов, чуть левее, между дорогой и полем, стояли несколько сельскохозяйственных машин.

Они доползли до середины поля и залегли.

Паша ужом сместился в сторону, и через несколько секунд в коммуникаторах раздался его шепот:

– Лохи… Снайпер торчит в окне, пулеметчик в третьей копне, зарылся так, что сам ни фига не видит.

– Где еще один? - строго спросил Зум.

– Пока не вижу… Ага… Он уже не на крыше. Мальчику не хватает выдержки. Надоело ждать у моря погоды.

– Где он, говори толком.

– Видишь емкость зернохранилища?

– Ну? - Зум перевел взгляд на фаллический символ сельскохозяйственной архитектуры.

– Вентиляционное отверстие под самым куполом крыши. Три сантиметра стеклобетона. Тепловой контур показывает, что он сидит на балкончике, но не выглядывает. Хитрый. Ждет, пока внизу кто-нибудь начнет палить, тогда он незаметно высунется и перещелкает сверху всех…

Химера кивнула, хотя ни Зум, ни Паша не могли видеть ее жеста. Но они *знали*, что она кивнула в данный момент, потому что уже шестой месяц ходили плечом к плечу.

– Я сделаю его, - сказала она.

– Павлик, что за пулемет, можешь различить?

– Навороченный, - тихо ответил Паша. - Сплошной компьютер. Я понял тебя, командир.

– Тогда работаем.

Последующие секунды вылились для незадачливых новичков в стремительное поражение всех присущих таким “диким” группам амбиций.

Первой начала Химера. Из неподвижного травостоя с тонким свистом внезапно вырвалась ракета, которая с убийственной точностью влетела в небольшое вентиляционное отверстие под сводом зернохранилища, и тут же внутри цилиндрической башни полыхнул нестерпимый огонь - это взорвалась зажигательная смесь, которой была начинена боевая часть реактивного снаряда.

У снайпера, прятавшегося за стеклобетонной стеной, не осталось ни единого шанса, он, наверное, даже не понял, что произошло, когда температура внутри его укрытия мгновенно подскочила до тысячи градусов, раскалив металл и превратив всю органику в зловонный дым.

Зум резко привстал на колено и короткой очередью срезал второго снайпера, маячившего в чердачном окне двухэтажной пристройки.

Тело кувыркнулось вниз, мягко стукнувшись о землю.

Зум резко рванулся вперед, туда, где словно по волшебству зашевелилась копна - пулеметчик стихийно организованной группы пытался в этот момент сообразить, что случилось с его оружием. Он, видимо, еще не усвоил одного из основополагающих правил окружающего мира: здесь все соответствует реальности, до мельчайших деталей, и чем проще оружие, тем оно надежнее. Узконаправленный электромагнитный импульс, исторгнутый одним из Пашиных приборов, мгновенно “подвесил” компьютер грозного на вид крупнокалиберного пулемета, спаренного еще Фрайг знает с чем, и теперь у парня осталось лишь изумление на лице да слабая попытка достать нож.

Даже импульсного пистолета не взял… - досадливо поморщился Зум, сбивая с ног незадачливого пулеметчика.

Прижав его лицом к земле, он вывернул правую руку противника так, что тот задохнулся, широко раскрыв рот в немом крике.

Зафиксировав коленом его поясницу, Зум чуть ослабил хватку, и пулеметчик судорожно забился под ним, хватая ртом загустевший воздух.

– Сколько вас? Название группы? Цели?

– Мы… сами… по себе… Больно…

– А ты думал, будет щекотно? Есть поблизости еще кто-то?

– Нет… Не видели…

– Название?!

– Да нет его!… Мы первый раз…

– Понятно. - Зум вытащил импульсную “гюрзу” и выстрелил парню в затылок.

Тело под коленом несколько раз дернулось и затихло.

Он не любил работать ножом. Но и оставлять в живых горе-пулеметчика противоречило всей жестокой логике выживания прайда.

Он выпрямился, цепко озираясь по сторонам.

Два трупа на окровавленной земле, струйки дыма, сочащиеся из башни зернохранилища, две свежие выщербины у чердачного окна пристройки. Это уже становилось скучным, даже не вызывало выброса адреналина в кровь. Так, разминка, скорее похожая на досадное препятствие, которое они не обошли из принципиального правила: за спиной - только трупы.

Настоящие трудности начнутся в узком пространстве между двумя пирамидами. Вот оттуда еще нужно постараться выйти живым, чтобы ворваться в одну из пирамидальных башен.

Это удавалось далеко не всегда.

***

Маркус собирался входить в Сеть, когда на пороге его комнаты внезапно появился отец.

Дейвид Моллиган подошел к сыну и сказал:

– Сегодня ты не пойдешь в “Оазис”, Маркус.

Моллиган-младший невольно вздрогнул, посмотрев на отца, которого в последнее время видел очень редко. Откуда бы ему знать, чем конкретно занимается сын в свободное от учебы время?

– Не понимаю, отец? - Он полувопросительно посмотрел на главу мощнейшей корпорации скопления Омикрона.

– Чего ты не понимаешь, Маркус? - Дейвид Моллиган, скрестив руки, смотрел на сына.

– Откуда ты знаешь про “Оазис” и почему я не должен туда идти? - напрямую спросил Маркус.

Дейвид Моллиган внимательно посмотрел на сына, отмечая, как сильно тот повзрослел. Он не обращал сейчас внимания ни на угловатость не сформировавшегося до конца сухощавого тела подростка, ни на бледность лица - о возмужании Маркуса говорили его глаза. Холодные, спокойные - это были глаза *взрослого* человека, много пережившего и знающего себе цену.

Взгляд Маркуса отражал то свойство человеческой психики, которое в свое время очень тонко уловил сам Дейвид. Да, за два года, прошедших с той памятной ночи, его сын редко покидал пределы усадьбы, но все, что происходило с ним в фантомной реальности “Оазиса”, медленно, но верно изменяло психологию Маркуса. Грань между действительностью и виртуальным миром постепенно стиралась… и теперь Дейвид видел перед собой не скучающего, капризного мальчика, а холодного, уравновешенного подростка, лучшего снайпера “Оазиса”, которому не хватает толики общефизической подготовки, чтобы превратиться в статного смертельно опасного молодого человека…

– Я знаю все, - нарушил затянувшуюся паузу отец. - Потому что я - творец и хозяин “Черного Оазиса”.

– Ты следил за мной?

– Скажем так - я наблюдал.

– Тогда ты должен знать, что меня ждут.

– Это уже ни к чему, Маркус. Завтра тебе исполняется пятнадцать и ты вступаешь в пору совершеннолетия. Больше не будет “Оазиса”. Будет

настоящая жизнь.

– Но…

– Ты хочешь спросить про своих друзей, которых приобрел там?

– Они не друзья. Мы группа.

– Ты увидишь их. Сегодня. - Отец посмотрел на часы. - Думаю, что нам уже пора идти.

Ничего не понимающему Маркусу оставалось лишь одно - подчиниться воле отца.

***

Пока они шли по длинному коридору, соединяющему жилое крыло здания с офисами корпорации, Маркус задал отцу один-единственный, немного запоздалый вопрос:

– Зачем ты создал его? Моллиган-старший остановился. За прозрачным пуленепробиваемым стеклом галереи виднелись смутные очертания города.

– Там кипит жизнь, - скупо пояснил он, кивком указывая вдаль. - Настоящая жизнь, где корпорации принадлежит все, кроме сознания людей, которые живут в скоплении Омикрона, - повторил Дейвид Моллиган слова, некогда высказанные дедом Маркуса. - Реальность рождает богатых и бедных, умных и глупых, слабых и сильных. - Он посмотрел на сына и добавил: - А если мыслить глобально, то вокруг нас простирается еще более обширный мир, где существуют Конфедерация Солнц и иные, отличные от людей расы. Все они, так или иначе, стремятся проникнуть сюда, в богатую промышленную область, чтобы утвердить власть своих законов, забрать лучшую часть выросших здесь людей на работу в другие миры. По закону Конфедерации, мы не имеем права создавать военные академии, учебные центры - это монополия Центральной власти и Колониальной администрации Аллора, но нам не возбраняется иметь силы самообороны планет и корпоративные войска для защиты частных владений и производств. Те, кто заседает в Совете Безопасности, считают, что в таких условиях корпоративные войска будут комплектоваться дилетантами…

– Но наши корпоративные войска лучшие не только в скоплении Омикрона, но и на всей Окраине, - внезапно возразил Маркус. - Я знаю, ни один конфедерат, - в его тоне просквозило откровенное презрение, - не сравнится с нами… - Он вдруг осекся, повернувшись к отцу, а тот лишь

кивнул в ответ, заметив:

– Это слова мужчины. Ты имеешь особый счет к конфедератам, верно?

Черный Оазис…

Два этих слова внезапно прозвучали в сознании совершенно иначе, будто в них вложили иной смысл.

Слабаки и бездельники не задерживались там. Только упрямцы, которым нечего терять в обычной жизни, проводили в “Оазисе” дни и ночи, постепенно постигая *реальную науку войны…*

- Пойдем, - мягко подтолкнул его отец.

***

В кабинете главы корпорации “Мунэксплойт” их ждали трое странных посетителей.

Два подростка - юноша и девушка - и… инсект, ксеноморф, представитель иной эволюции, породившей древнюю цивилизацию разумных насекомых.

Дейвид Моллиган, ничуть не смутившись, кивком поздоровался с необычной троицей.

Маркус застыл у порога. Его обуревали смутные догадки, которые секунду спустя подтвердил отец.

– Познакомься, Марк, - произнес он, усаживаясь в кресло. - Это Павел, - он указал на инсекта. - Твой первый знакомый и непревзойденный специалист по компьютерным системам. А эту молодую особу ты долгое время знал как “Химеру”, хотя ее настоящее имя - Настя, и она живет в городских трущобах, откуда раньше, до появления “Оазиса”, выходили в большой мир только тупые, необразованные отморозки да малолетние шлюхи. Она, как ты знаешь, классный специалист по тяжелым видам вооружений, настоящий профи, без преувеличений.

Девушка потупилась. Маркус, который смотрел на нее расширенными глазами, не находил в чертах нескладного подростка ничего от стройной, вызывающе красивой Химеры. Да и Павлик хорош… Теперь понятно, почему он каждый раз оборачивался всем телом, чтобы посмотреть в ту или иную сторону.

– Ну и последний член прайда, - оборвал его мысли голос отца. - Это Зум, настоящее имя - Бреф Вуган, мелкий воришка, карманник, по которому три года назад плакала колониальная тюрьма Омикрона, но

теперь разве можно найти лучшего командира отделения для корпоративных войск?

Дейвид Моллиган выдержал небольшую паузу и добавил:

– Обычно я не приглашаю к себе выпускников “Оазиса” и тем более не занимаюсь оформлением контрактов, но сегодня особый случай. - Он посмотрел на притихшую, ошарашенную внезапным оборотом событий троицу и пояснил: - Вы долгое время знали моего сына, Маркуса Моллигана, под именем Ник. Поэтому вы здесь, и я предлагаю всем троим реальные контракты на службу в корпоративных войсках Окраины.

Первым от шока очнулся Зум.

– Извините, господин Моллиган, а как же…

– “Оазис”? - усмехнулся глава “Мунэксплойта”. - Он уже ничего не даст вам сверх того, что знает и умеет каждый находящийся тут. Хотя… - он кивнул на чистые бланки контрактов, - у каждого есть выбор.

***

Когда дверь кабинета закрылась за спиной последнего члена несуществующего теперь прайда, Маркус обернулся к отцу.

– А я? - спросил он.

– Завтра наступит твое совершеннолетие, и ты станешь наконец моей правой рукой в делах управления огромной промышленной империей, имя которой “Мунэксплойт”. Ты прошел суровую школу и сможешь понять жестокие законы большого бизнеса. - Дейвид Моллиган позволил себе усмехнуться. - И еще: ты всегда будешь помнить конфедерата, который застрелил тебя при первом входе в “Оазис”, а также не забудешь, что бесплатное вживление имплантов новорожденным из наибеднейших слоев населения плюс некоторые выделенные компьютерные мощности - это не пустая трата денег.

Маркус промолчал.

Он уже усвоил, что виртуальное бытие определяет сознание не в меньшей степени, чем реальность, но ему еще предстояло узнать, благо это или нет.

Наступали сумерки, и, посмотрев за окно, он увидел темную пирамидальную громаду города, невольно вздрогнув от мгновенно промелькнувшей ассоциации.

Ему вдруг показалось, что за панорамным окном перед ним возвышалась в сотни раз увеличенная копия одной из пирамид “Черного

Оазиса”…

Разница заключалась лишь в том, что туда нельзя будет войти дважды…

notes

Примечания

1

Мунэксплойт - Мун - луна, эксплойт - разработка, то есть в переводе с интеранглийского “Лунные разработки”.

2

Здесь Зум имеет в виду первоначальное толкование слова “Химера”, которое в древнегреческой мифологии означало чудовище с огнедышащей пастью льва, хвостом дракона и туловищем козы.

3

Баг - в первоначальном толковании - компьютерный сбой, позже, в более широкой трактовке терминологии Интерстар, - случайно смоделированное виртуальное явление, не соответствующее базовым установкам.